



МАКСИМ ТОМИЛКО

ВРЕМЕННЫЕ ТРУДНОСТИ 2

18+

Максим Томилко

Временные трудности 2

«Автор»

2024

Томилко М.

Временные трудности 2 / М. Томилко — «Автор», 2024

ISBN 978-5-532-90522-1

Во время задержания боец СОБРа и уголовник перемещаются в прошлое. Удастся ли им не только приспособиться и выжить во времена Великой Отечественной войны, но и найти своё место, личное счастье и самих себя? Читайте о продолжении приключений героев в романе "Временные трудности 2"

ISBN 978-5-532-90522-1

© Томилко М., 2024

© Автор, 2024

Максим Томилко

Временные трудности 2

Моей любимой маме,

Томилко Валентине Вацлавовне, посвящается...

3 часть. Тыловики

Глава 1.

Москва.

Сказать, что Юля с Егором удивились этому вопросу, – значит ничего не сказать. Они обменялись быстрыми взглядами и подошли к столу.

– Добрый день, – сказала Юля, обводя всех пытливым взглядом, – Я так понимаю, что мы здесь все товарищи по несчастью?

– Ну, типа того, – ответил за всех один из мужчин с явным акцентом, – Да вы присаживайтесь.

Места за общим столом было достаточно, и Юля неторопливо устроилась на ближайшем стуле. Егор же прошелся по небольшой столовой, осматриваясь, получил из раздаточного окошка пару тарелок с кашей для себя и Юли и занял место рядом с ней. За столом уже заканчивали знакомиться. Егор назвал своё имя и принялся за кашу. Слушать можно было и с набитым ртом. За время пребывания в партизанах Егор приучил себя питаться при первой же возможности, не откладывая это дело на потом. Потому как проблемы в жизни человека – штука постоянная, а поесть потом могут и не дать...

Мужчины оказались выходцами из Средней Азии, приехавшими по торговым делам в Москву, и попавшими в это время из восьмидесят шестого года. По-русски они говорили плохо, хотя и вполне понятно. Четыре женщины были коллегами бухгалтерами какого-то подмосковного завода из семьдесят пятого года. Последние, женщина лет тридцати с ребенком, оказались к ним ближе всех по шкале времени. Они попали сюда из девяностого года. Ребёнок оказался вполне взрослым мужиком тридцати лет от роду, мужем этой женщины, весельчаком и балагуром из Тульской области. И то, что они сперва приняли за детскую непосредственность, оказалось обычным словесным недержанием, свойственным иногда людям подобного склада характера. За пару месяцев, проведенных в этой компании, он успел стать её неформальным лидером и теперь говорил практически постоянно, перемежая свои выражения шутками, анекдотами и афоризмами.

Самое интересное, что никакой хронологической закономерности в появлении здесь всех этих людей не было. Первыми попали сюда таджики более пяти лет назад, а женщина с мужем буквально пару месяцев назад, но обстоятельства оказались очень схожи – все рассказывали про странный свет и словно растянувшееся время.

Но изюминкой на торте было то, что сознание «попаданцев» по истечении какого-то времени попросту куда-то исчезало, оставляя своих реципиентов в полной растерянности и недоумении. Люди, в чьи тела вселялись «попаданцы», ничего не помнили о том, что происходило после подселения. Такое случалось уже трижды. Они даже составили таблицу дат появлений и теперь ждали очередного подобного фокуса, хотя данных для анализа и каких-либо прогнозов было маловато...

Более ничего интересного они не узнали, так как появление строгого майора из госбезопасности прервало ход этой занимательной беседы. Это именно он встречал их по прилету в Москву.

– Вижу, вы уже познакомились, – сказал он, окидывая мрачным взглядом всех присутствующих, – Это очень хорошо, но вынужден прервать. Иванов и Ключкова, следуйте за мной.

Он четко развернулся на месте и вышел из столовой. Им не осталось ничего другого, как проследовать за ним.

Кабинет майора больше походил на комнату отдыха. Большой диван, два кресла и журнальный столик занимали почти всё пространство. В углу сиротливо ютился маленький письменный стол.

– Располагайтесь, – предложил им майор, занимая одно из кресел.

Юля села напротив него на диван, а Егор занял второе кресло. На майора теперь приходилось смотреть в профиль, но пересаживаться не хотелось.

– Я майор государственной безопасности Максимов. Андрей Степанович. Ваш непосредственный начальник. Вопросы, жалобы, предложения имеются?

Они оба синхронно пожали плечами. Какие тут могли быть жалобы... А что до вопросов, так вряд ли этот майор знал на них ответы. Да и с предложениями, наверное, рановато ещё было соваться.

– Хорошо, – подытожил майор, – Дел вы тут уже успели наворотить, но претензий к вам пока нет. Я хотел бы, чтобы вы по возвращению к себе написали свои подробные биографии вплоть до двенадцатого июля прошлого года. Также отдельно прошу изложить ваши предположения об инциденте, благодаря которому вы попали в это время. Ну а потом мы обсудим вашу дальнейшую судьбу. Можете предоставить свои предложения. Они тоже будут нелишними. Надеюсь двух часов вам хватит?

– Хватит, – хмуро проронила Юля, а Егор кивнул.

– Передвигаться внутри можете вполне свободно, а вот выход из здания пока запрещён. Дорогу найдёте?

Они молча поднялись и вышли из кабинета.

– Что скажешь? – поинтересовался Егор у Юли, когда дверь в кабинет майора закрылась за их спиной.

– Да что тут скажешь... Смотри второй вариант. Помнишь?

– Помню, – безрадостно сказал Егор, – Так себе вариант был...

Они немного помолчали, медленно шествуя по длинному широкому коридору, и наконец Егор не выдержал:

– Давай напишем, что мы с тобой случайно встретились. Типа грибы там собирали. Ну и ты о себе что-то попроще напиши – никто ж не проверит!

Юля остановилась и с улыбкой взглянула ему прямо в глаза.

– Переживаешь за меня? Приятно, не скрою...

– Да, переживаю, – не стал отрицать Егор, – Привязался я к тебе, старый.

– Я думаю, не стоит ничего выдумывать. Пусть будет, что будет.

– Уверен?

– Да похер, – отрезала она в своей привычной манере.

– Ну, как знаешь, – как-то обреченно сказал Егор и толкнул дверь своего номера. Он даже мысленно не мог назвать этот местный люкс камерой. Юля пошла куда-то дальше...

Егору хватило полчаса. Его скудная биография заняла пол-листа, а описание переноса уместилось и вовсе в один абзац. О Юрии Андреевиче он даже не стал упоминать.

– У Юли выйдет гораздо объёмнее, – подумал он, разглядывая своё творение, и снова ощутил какое-то давящее чувство тревоги. Непонятно ведь, как тут отреагируют на её бурную биографию. Расстрелять, скорее всего, не расстреляют, но вот как дальше сложится, было непонятно...

От размышлений его отвлекла Юля. Благоухая свежим ароматом коньяка, она вошла в его номер, держа в руках несколько исписанных листков бумаги и, покосившись на его опус, усмехнулась:

– Краткость – сестра таланта?

– Да, а че писать то? Я думаю, ещё сто раз заставят рассказать.

– Это точно, – согласилась она, – Тебе мундир принесли?

Егор вопросительно глянул на неё, и она распахнула дверцы узкого шкафчика. Внутри висела новенькая парадная гимнастерка с уже заботливо привинченным орденом Трудового Красного Знамени. Сегодня утром ничего здесь не было. Это Егор точно помнил.

– Ты дописал уже? Пошли, – нетерпеливо заерзала она на месте, – Что-то тут, кажется, намечается...

– Ты о чем сейчас? – спросил Егор, но она по своему обыкновению отмахнулась и вышла из номера.

Весь путь к кабинету майора они прошли молча. Егор постучал и распахнул дверь. Майор дремал, сидя всё в том же кресле, но, когда они вошли, сразу открыл глаза и бросил быстрый взгляд на настенные часы.

На этот раз они оба уселись на диван напротив Максимова.

Майор взял бумаги Егора и несколько секунд молча смотрел на них. Затем положил их на стол и потянулся за бумагами Юли. Егор почему-то был уверен, что майор за это время ухитрился не только прочесть, но и выучить наизусть его писанину. Хотя на чем основывается такая уверенность Егор, пожалуй, не смог бы объяснить более-менее внятно.

Биографию Юли майор изучал ненамного дольше. Каждому листку тоже было уделено секунд по пять не больше. Наконец, майор отложил бумаги и сказал, мрачно глядя на Юлю:

– Очень интересно. Ну да ладно. Почему же нет ни слова о своём будущем? Как вы, товарищи, сами представляете себе свою дальнейшую жизнь?

– Разрешите обратиться, товарищ майор государственной безопасности, – официально обратилась к нему Юля.

– Слушаю вас.

– Прошу личной встречи с Верховным Главнокомандующим. Обладаю сведениями, касающимися безопасности Советского Союза.

Майор придвинул к ней чистый лист бумаги.

– Изложите подробно.

– Нет, – твердо сказала Юля, – Вы, должно быть, знаете, что мы написали три письма товарищу Сталину, но эту информацию не решились доверить бумаге. К тому же обладание этой информацией поставит под угрозу и вашу жизнь. Настаиваю на личной встрече. Разумеется, со всеми необходимыми мерами безопасности.

– Я передам руководству, – майор был очень спокоен и деловит, – Это всё, что вы можете сообщить?

Юля молча кивнула.

– А вы, товарищ Иванов, тоже будете настаивать на встрече с товарищем Сталиным? Вы обладаете данной информацией?

– Я не знаю точно, что хочет сообщить товарищ Ключкова. Могу только догадываться. Но, думаю, что тоже обладаю сведениями, от которых может зависеть будущее нашей страны. Но, конечно, не в таком объёме, как Юлия Андреевна.

– Хорошо, товарищи. И у меня для вас есть приятная новость. Сегодня в Кремле состоится награждение. Советую привести себя в порядок, – он снова бросил быстрый взгляд на настенные часы, – Время у вас ещё есть. Если вопросов ко мне нет, то свободны.

– Товарищ майор, нам сообщали, что наша группа входит в состав ОН НКВД и подчиняется непосредственно Начальнику ГУГБ НКВД СССР комиссару государственной безопасности 3-го ранга товарищу Меркулову Всеволоду Николаевичу, – сказал Егор, – Что-то это место не сильно похоже на базу войск особого назначения. Да и эти люди в столовой... Не просветите?

– Наш отдел входит в структуру НКВД и подчиняется генеральному комиссару государственной безопасности Берии Лаврентию Павловичу. Думаю, что история создания и последующая реорганизация нашего отдела вас мало заинтересует. А что касается целей и задач, то мы занимаемся всеми вопросами, так или иначе выходящими за рамки привычного материализма.

– Я смотрел что-то о чекистах, которые в двадцатые годы увлекались оккультными науками, но, честно говоря, не поверил, – сказал Егор.

– Вы имеете в виду телевидение? – уточнил майор.

– Можно и так сказать, – не захотел вдаваться в подробности Егор и покосился на Юлю.

Та откровенно скучала, рассматривая то майора, то скудную обстановку кабинета, то высокий побеленный потолок.

– Вы абсолютно правы, Егор Николаевич. В свое время был создан специальный секретно-шифровальный отдел ОГПУ, который наряду с разведкой и контрразведкой с помощью технических средств занимался и совсем другими задачами.

– Ну, а тогда какая цель нашего здесь пребывания? Мы ж не медиумы или экстрасенсы, а просто люди, безо всяких там паранормальных способностей. Каким образом сюда попали, мы не имеем никакого представления, как, впрочем, и все остальные.

– Вполне возможно, – согласился Максимов, – Но вы должны понимать, что мы обязаны исключить любую утечку информации. Поэтому вплоть до дальнейших распоряжений, вам придётся жить и работать здесь. Эти люди, которых вы видели, тоже пытаются по мере сил и возможностей принести пользу нашей стране. Жаль, что толку от этого пока не много. Ещё вопросы?

– Никак нет, – ответил Егор. Всё было предельно понятно.

– Свободны.

Они вышли в коридор, и Юля предложила:

– Может, в столовую?

– Пошли. Я тоже что-то после леса никак не могу наесться. Странно – мы ж вроде и не голодали.

– Это точно. Ты вот даже потолстел, по-моему.

Они посмеялись и, продолжая обмениваться шутивными подначками, подошли к двери столовой. Она была заперта.

– Видимо, не судьба, – вынесла вердикт Юля.

Егор согласился. Им не оставалось ничего другого, как вернуться к себе. Егор завалился на койку и с полчаса лежал, придумывая себе какое-нибудь занятие. Так ничего и не придумав, уснул.

Разбудил его бесцеремонный тычок под ребра. Егор открыл глаза и увидел Юлю при полном параде и даже в боевой женской раскраске. За этот год она неплохо поднаторела в искусстве женского макияжа, но в лесу это было не модно, и Егор уже успел отвыкнуть от пудры и губной помады на её лице.

– Хорош дрыхнуть, солдат, а то орден проспичь! Получасовая готовность. Ты чё, свои шикарные усы брить не будешь?

Редкая поросль под носом уже давно нуждалась в бритве, но Егор, привыкший в своём времени к ежедневной бритве, откровенно ленился здесь это делать. Да и трофейную опаску изъяли сразу же по прилёту со всеми остальными вещами. Взамен, правда, тут же выделили всё необходимое, и даже абсолютно новое, но кинжала, подаренного Вацлавом, да и парочки собственных трофеев было жаль. Егор решил обязательно заострить внимание майора Максимова на этом вопросе.

– Ну их. Пусть будут. Да и бритву мою трофейную отобрали.

– Не ленись. Там водичка – сказка! А бритву у вертухаев возьмешь, поди не откажут герою-орденоносцу.

Она пребывала в превосходном настроении и была слегка навеселе. Но к такому её состоянию Егор уже давно успел привыкнуть. Справедливости ради, стоило отметить, что за весь год, что они здесь пробыли, напивалась Юля всего пару раз. Что, учитывая её практически ежедневные возлияния, говорило само за себя.

Егор нехотя встал и, разыскав в шкафу чистое бельё и полотенце, удалился в душ. И несколько не пожалел об этом. Вернулся он чистым, выбритым и окончательно проснувшимся. Какой-то незнакомый сержант, помимо бритвенных принадлежностей, расщедрился ещё и на одеколон «Шипр», и теперь Егор всю благоухал, щедро распространяя вокруг себя достаточно приятный аромат.

В его «люксе» было накурено, и Егор недовольно поморщился. Юля тут же состроила забавную гримасу и затушила папиросу. Егор, несколько её не стесняясь, быстро оделся и обул новенькие яловые сапоги, начищенные до зеркального блеска.

– Красавчик! – одобрительно сказала Юля, придирчиво осмотрев его со всех сторон, – Хоть сейчас на парад!

– Ты тоже ничего, – парировал Егор, намекая на её макияж и удивительно гармонирующий с ним синий фетровый берет с красной звездой. Да и видеть Юлю в юбке ему уже давно не приходилось.

– Пошли? – предложил Егор и шутливо согнул руку в локте предлагая взять его под руку.

– Ты ничё не перепутал, соколик? – нехорошо прищурилась она, но тут же добавила гораздо более дружелюбнее, – Жениться тебе, барин, нужно. А чё? Отличная идея! Найдём тебе тут невесту: комсомолку, спортсменку... Знаешь какие они тут? Кровь с молоком!

Продолжая балагурить, они вышли в коридор и увидели приближающегося к ним майора Максимова, тоже при полном параде.

– Товарищи, нам пора. Машина ждёт внизу.

Черная, сверкающая лаком «эмка» целый час везла их в центр города, каким-то чудом пробираясь через изрезанные окопами, баррикадами и противотанковыми заграждениями улицы, объезжая немногочисленные колонны пехоты и с трудом разъезжаясь со встречными машинами.

Егора поразил размах маскировки. По периметру Кремлёвской стены, на Манежной и Красной площади выстроили макеты городских зданий. Мавзолей скрылся под трехэтажным фанерным сооружением. Приметные Кремлёвские звёзды и позолоченные купола церквей были укрыты чехлами из серой мешковины, а башни покрашены в непривычный чёрный цвет. Появился даже новый мост. На дороги нанесли рисунки имитирующие крыши домов, и Егор не сомневался, что на крышах соседних зданий есть рисунки, имитирующие дороги. Всё это, по идее, должно было дезориентировать немецких летчиков.

После долгой проверки документов они наконец въехали в Кремль и покинули это чудо довоенного автопрома. И сразу же начались сложности.

Военнослужащие полка специального назначения, обеспечивающие охрану Кремля, сновисто обыскали Егора и Максимова, но как только воин-кремлёвец попробовал приблизиться к Юле, та спокойно и без тени угрозы в голосе предупредила его:

– Даже не думай об этом. Рискнёшь, и тебя комиссуют по состоянию здоровья.

Здоровенный парень, на голову выше Юли, застыл на месте, не понимая, как ему отреагировать на это предупреждение.

– Чё замер, служивый? Женщину ищи. Мужик меня лапать не будет, – презрительно процедила она сквозь зубы.

Незаметно подошедшему капитану, со сканером во взгляде, хватило буквально одной секунды, чтобы оценить ситуацию и принять правильное решение. Он что-то негромко сказал своему подчинённому и тот быстро убежал куда-то в сторону. Капитан же, с интересом посмотрел на Юлю и произнес с вежливой улыбкой:

– Вы не волнуйтесь, товарищ старший лейтенант государственной безопасности. Сейчас решим проблему.

– Да я не волнуюсь. С чего бы мне... – равнодушно отозвалась Юля.

Служивый вернулся в сопровождении толстой тетки с таким же пронзительным, как у капитана, взглядом. Деловито и профессионально она быстро обыскала Юлю и сделала шаг в сторону предлагая пройти. Юля кивком поблагодарила капитана за содействие, и они прошли внутрь.

В Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца собралось всего несколько десятков человек, хотя он мог бы, пожалуй, вместить и несколько тысяч. Большинство из расставленных рядами стульев оказались свободными. Президиум тоже пустовал. Егор завертел головой, осматриваясь, и увидел спешащего к ним Георга. Его лицо, казалось, светилось от счастья, и только присутствие высоких армейских чинов удерживало его от более бурных проявлений радости.

– Товарищ майор государственной безопасности, разрешите обратиться к товарищу старшему лейтенанту государственной безопасности? – Георг лихо козырнул и вытянулся перед Максимовым.

– Разрешаю, товарищ военврач 3-го ранга, – вполне дружелюбно козырнул в ответ майор и поздоровался за руку с непонятно откуда вынырнувшим неприметным лейтенантом из госбезопасности.

Юля, нисколько не стесняясь окружающих, крепко прижала к себе Георга и, отстранившись, критически осмотрела его с ног до головы.

– Ну ты красавчик! Форма тебе идёт.

– Рад Вас видеть, Юлия Андреевна.

Егор тоже сграбастал Георга в объятия и похлопал по спине.

– Привет, Георгий. Как ты тут без нас? Скучал?

– Здравствуй, Егор. Да тут не скучно... – многозначительно произнес Георг и покосился на «своего» лейтенанта.

Егор понятиливо кивнул.

– Ты, я смотрю, опять с зубами. Надолго ли? – подмигнул ему Георг.

– Свои побереги. Разговорился тут, – спокойно сказал Егор и сделал резкое движение в его сторону.

Георг отпрянул было, но сразу же сообразил, что это была провокация.

– Ты чё, лейтенант, хочешь собирать выбитые зубы поломанными пальцами? – грозно спросил он Егора.

– Отставить, – недовольно сказал Максимов, – Как дети малые.

– Да они и есть дети, – с улыбкой сказала Юля.

– Представляю, как вы с ними намучались, Юлия Андреевна, – посочувствовал ей майор.

– И не говорите, впору заслуженного педагога получать.

– Представим – заслужили. Давайте рассаживаться, товарищи, – предложил майор и направился к свободным местам в первых рядах.

Разместились без труда – благо, свободных мест хватало. Делать было совершенно нечего, и Егор снова осмотрелся по сторонам. Огромное помещение было перекрыто сводчатым потолком, обильно украшенным декоративными кессонами с ажурной объемной лепниной и опиравшимся на мощные пилоны. Восемнадцать витых белых колонн, по одной у каждого пилон, выступали скорее элементом декора, чем несущей конструкцией. Над каждой колонной были размещены скульптурные женские фигуры. Большие позолоченные многорожковые люстры и несколько десятков настенных бра создавали атмосферу какой-то парадной торжественности.

Юля толкнула Егора локтем, и он отвлекся от созерцания пышного убранства зала. Несколько человек в военной форме занимали места в президиуме. Смутно знакомый по газетным фотографиям, невысокий благообразный старичок в пенсне, с седыми усами и бородкой, выделялся гражданским костюмом и, судя по почтительному отношению остальных, был среди них самым главным.

– Калинин? – уточнил Егор негромко.

– Да. Михаил Иванович. Всесоюзный староста, – усмехнулась Юля, – Так его называют неофициально.

– Прикольный старикан, – шепнул Егор, – На Чехова похож чем-то, только постарше.

– Политический тяжеловес, как у нас бы сказали. Это потом из него карикатуру сделают.

– Я что-то слышал про него нехорошее. Какая-то история с балериной, кажется. Точно не помню.

– Да этим многие грешили, – грустно усмехнулась Юля, – И ничего не изменилось, пожалуй. Ну эти-то хоть что-то делают для страны. А кто без греха, как говорится...

– Не надо, Юль, я понял твою мысль. Мне прошлой проповеди хватило на полжизни.

– Ну надо же хоть кому-то тебя просвещать и на пусть истинный наставлять, – рассмеялась она, чрезвычайно довольная собой.

Сидящие сзади командиры в несколько голосов зашипели на них недовольно, призывая к порядку и сознательности, и они замолчали.

Тем временем, после недолгой вступительной речи началось награждение. Михаил Иванович Калинин лично вручал каждому награды и жал руку. Когда очередь дошла до Юли, то по залу пронесся неодобрительный шепот. Это было вполне объяснимо. Таким званием в этом возрасте мог похвастаться, пожалуй, только Василий Сталин. Но после краткого перечисления заслуг Юли весь зал разразился оглушительными аплодисментами. Калинин задержал руку Юли в своей, и удостоил её, как минимум, двумя лишними фразами. Она мило заулыбалась и вполне спокойно отреагировала на это. Не спеша вернулась на своё место.

– Похотливый старикашка, – шепнула ему на ухо Юля, усевшись на свой стул, – Не врут, значит, либералы.

– Ты тоже был похотливым старикашкой? – шепнул в ответ Егор и получил чувствительный тычок локтем по ребрам.

– Чё он тебе говорил? – уже вслух поинтересовался Егор.

– Восхищался, – безразлично ответила Юля и, улыбнувшись, добавила, – Так ведь есть чем!

Егор улыбнулся в ответ. Он давно заметил, что скромность – не её конек, хотя она преподносила себя с какой-то тонкой иронией, не позволяющей заподозрить её в бахвальстве и самолюбовании. Ну, может быть, изредка и проскальзывало, но на то должны были быть очень веские основания.

Настроение у Егора было отличным, а Георг вообще сиял, как начищенный самовар. Счастливая улыбка не сходила с его лица. Да и было от чего, надо признать. Не каждый день вручают по два ордена сразу. Помимо обещанных орденов, Георг с Юлей получили ещё по Красной Звезде. Надо полагать, за освобождение пленных из концлагеря. Егор в той операции участия не принимал, он тогда отлеживался после Гестапо.

Потом было общее фото всех награждённых с Калининным. Майор не запрещал. Но стоило какому-то корреспонденту подойти к Юле и начать свои журналистские расспросы, Максимов тут же взял его под локоток и что-то прошептал ему на ухо. Корреспондент тут же отказался от своей идеи сделать из Юли звезду и испарился, даже не попрощавшись.

Но Юля и без него стала здесь звездой. На торжественном фуршете, организованном тут же в Кремле, вокруг неё быстро образовался плотный круг из мужчин. Всё началось с молодого

и обаятельного летчика-лейтенанта, подкатившего к Юле с широкой голливудской улыбкой аля Гагарин.

Георг несколько оробел от обилия шпал и ромбов в петлицах собеседников и поспешил покинуть эту компанию. Егору слушать комплименты, адресованные Юле, тоже очень быстро надоело, и он проследовал за Георгом. Но далеко уйти ему не дали. Путь преградил какой-то бравый орлик из охраны Кремля.

– Товарищ лейтенант государственной безопасности, задержитесь.

Егор недоуменно посмотрел на него, но спросить ничего не успел. Юля вышла из круга поклонников с неизменным бокалом в руках в сопровождении не менее бравого военного.

– Следуйте за нами, товарищи, – сказал один из них и, не ожидая ответа, куда-то направился.

Юля одним большим глотком осушила свой бокал, сунула его первому попавшемуся командиру, одарив его милой улыбкой, и, подхватив Егора под руку, двинулась за провожатым. Немолодой уже дивизионный комиссар, который никак не ожидал от неё такой наглости, улыбнувшись, посмотрел ей вслед и повертел этот бокал в руках, не зная, что ему с ним делать.

Они вышли на улицу и не спеша прошли до Сенатского корпуса. В здании Сената поднялись на второй этаж. Провожатые незаметно сменились другими, столь же немногословными парнями из госбезопасности. По пути у них снова проверили документы, и наконец они оказались в большой приёмной, где невысокий полноватый человек с наголо бритой головой кивнул им на несколько стульев у стены и поднял трубку телефона.

Не успели они расположиться на предложенных стульях, как этот человек положил трубку телефона и предложил им проходить, кивнув на тяжелую высокую дубовую дверь.

Егор распахнул дверь и пропустил Юлю вперед. Не из субординации, конечно. Просто воспитание сказалось.

Это была длинная просторная комната с пятью огромными окнами. Светлые стены, метра полтора в высоту, были декорированы темными дубовыми панелями со вставками из карельской березы. На паркетном полу лежала красная дорожка с зелеными полями. В кабинете находились длинный и узкий стол для совещаний, за которым вполне могла разместиться дюжина человек. Неподалёку от него – рабочий двухтумбовый стол, покрытый зелёным сукном, и небольшой столик с телефонными аппаратами. Над рабочим столом висел портрет читающего газету Ленина в простой деревянной раме. Перед столом стояли два обращенных друг к другу кожаных кресла.

За рабочим столом сидел Сталин и что-то писал. При их появлении он отложил карандаш и призывно махнул рукой, приглашая проходить.

Они прошли к рабочему столу и замерли в паре шагов от него. На столе стояли чёрный телефон, письменный прибор, графин с водой, стакан с остывшим чаем, пепельница с положенной на неё курительной трубкой и высокая металлическая лампа с узким тканевым абажуром, украшенная советским гербом.

– Присаживайтесь, товарищи, – кивнул Сталин на стоящие у стола кресла, – Мне доложили, что у вас есть важные сведения.

Они сели в кресла, и Юля неожиданно сказала:

– Данные сведения предназначены только для товарища Сталина.

– А я кто по-вашему? – удивился Сталин с лёгкой, едва заметной улыбкой.

– Двойник, – с милой улыбкой сказала Юля, и Егору вдруг стало очень неудобно в этом мягком, удобном кресле.

– Почему вы так думаете, товарищ Ключкова? – Сталин уже не улыбался, а смотрел на неё пристально и неприязненно.

– Вероятность того, что мы подосланные убийцы очень велика, а подозревать товарища Власика в некомпетентности у меня нет никаких оснований.

– Что вы хотели мне сообщить? – недовольно спросил Сталин.

– Вам – ничего. Информация только для товарища Сталина.

Тонкая струйка пота скользнула между лопаток Егора к пояснице. Он сидел неподвижно, боясь пошевелиться.

– У меня нет времени на эти ваши игры. Или говорите мне всё, что хотели, или можете быть свободны.

– Хорошо, – согласилась Юля и окинула кабинет внимательным взглядом, – Я думаю, нас всё же слышат, и информация дойдёт куда следует. Я хотела бы рассказать товарищу Сталину о предательстве. Оно случится через много лет и будет иметь катастрофические последствия для Советского Союза. Дело Ленина-Сталина, за которое миллионы людей отдали свои жизни, развалит изнутри очень быстро, и советское государство перестанет существовать.

– Продолжайте, – голос Сталина был на удивление спокойным.

– Всё начнется с вырождения партии. Я не побоюсь этого слова. Очень много настоящих коммунистов погибнет на этой войне. Многие будут репрессированы и подвергнутся различным гонениям после её окончания. На руководящих должностях в партии окажутся недостойные люди, наделённые бесконтрольной властью. Товарищ Сталин, понимая это, предпримет попытку конституционного изменения роли партии и передачи реальной власти в стране Советам, но будет уже поздно. После смерти вождя начнется борьба за власть среди членов политбюро...

Резкий телефонный звонок прервал её монолог. Сталин снял трубку, пару секунд послушал и, ничего не говоря, положил обратно.

– Подождите, товарищи, – сказал Сталин, и поднявшись, вышел из кабинета.

– Ты чё творишь? – возмутился Егор.

– Со Сталиным нужно поговорить, а не с этим клоуном. Да и вообще, кто меня в Смоленске упрекал, что толку от нашей помощи никакого? Что надо к товарищу Сталину на приём попасть и всё рассказать?

– Да нас теперь точно грохнут! С чего ты взял, что это двойник? А если нет?

– На всё воля божья, – с каким-то несвойственным ей фатализмом ответила Юля.

Дверь в кабинет открылась, и вошел один из сотрудников охраны.

– Следуйте за мной, товарищи, – произнес он, глядя куда-то сквозь них.

Глава 2.

Они переглянулись и встали. Молча покинули кабинет. Приёмная была пуста. Они вышли из Сенатского корпуса и уселись в поджидавший их автомобиль. Сопровождавшие их люди предупредительно распахнули перед ними дверцу новенькой «ЗИС-101», но это, конечно, ещё ни о чем не говорило. Пожалуй, они пока что не арестованы. Какие-то мелкие нюансы в поведении сопровождавших их людей подсказывали Егору, что это скорее охрана, чем конвоиры. Но особой радости от этого он не испытывал. Незвестность тяготила. Да и эта встреча, то ли со Сталиным, то ли нет, оставляла много пищи для тягостных раздумий. Если Юля ошибалась и вождь посчитал себя оскорбленным таким отношением, то им теперь точно не позавидуешь.

За окном смеркалось. Машина уверенно везла их куда-то на запад. Их ни разу не остановили по пути. Всю дорогу в салоне царил молчание, хотя разговаривать им никто не запрещал. Просто не хотелось ничего говорить. Нервное напряжение не позволяло отвлечься на пустяки, а обсуждать что-то важное при посторонних было глупо и небезопасно.

Доехали очень быстро, минут за пятнадцать максимум. Когда автомобиль остановился, Егор взглянул в окно, но в наступивших сумерках смог разглядеть лишь высокий трёхметровый забор. Остановка была недолгой. Машина медленно проехала сквозь широкие ворота и остановилась. Тут же с обеих сторон распахнулись пассажирские двери.

Они покинули гостеприимный комфортный салон и осмотрелись. Огромный участок был огорожен высоченным двойным забором. Круглая площадка с фонтаном посередине и выкрашенное в тёмно-зелёный цвет большое одноэтажное здание, производящее довольно мрачное впечатление. Чуть в стороне второе, гораздо меньшее по размерам.

Их провожатые растворились среди местной охраны, бдительно обступившей их автомобиль и навстречу им шагнул невысокий коренастый крепыш с петлицами старшего лейтенанта ГБ.

– Следуйте за мной.

Они безропотно повиновались. Да и какое тут могло быть неповиновение? Эти ребята их мигом бы покрошили и с чистым сердцем получили бы за это по медали.

– Похоже, Ближняя дача в Кунцево, – негромко, но очень удовлетворённо сказал Егор, – Тут потом двухэтажное здание будет. Мы хотели сюда с классом на экскурсию поехать, но тут пропуска какие-то нужны были...

Юля безразлично кивнула. Егор не знал, что творилось у неё на душе, но сам он вздохнул с облегчением, понимая, что раз не тюрьма, то шанс ещё есть.

Тяжёлые двери парадного входа с массивными бронзовыми ручками легко распахнулись. Справа и слева от входа в просторной прихожей были установлены деревянные вешалки, пустующие по причине стоящей на улице теплой погоды. Юля, не обращая внимания на ушедшего вперёд провожатого, задержалась у огромного зеркала, провела маленькой расческой по волосам и одернула гимнастёрку. Потом подошла к поджидавшему её Егору и негромко сказала:

– Приведи себя в порядок. Помятый весь...

Егор честно попробовал сделать это на ходу, но был ли какой-то толк от его манипуляций, сказать было сложно. Зеркало осталось далеко позади.

Своим интерьером Ближняя дача напоминала кремлёвский кабинет. Такой же лакированный паркет на полу, ковровые дорожки и деревянные панели на стенах. Перед одной из дверей провожатый остановился.

– Придётся обождать, – сказал он, хотя они ни о чем не спрашивали.

Ждать пришлось недолго. Минут через двадцать двери открылись, и из них вышли два человека. Важный лётчик с тремя ромбами в петлицах и человек в сером штатском костюме.

– Сроки очень ограничены, – сказал человек в штатском, – Я сегодня звонил наркомму, но он сказал, что ничем нам помочь не сможет. Вы со своей стороны сможете повлиять?

Что ответил лётчик, Егор не расслышал. Их провожатый сделал ему с Юлей приглашающий жест, и они зашли в просторную квадратную комнату. Несколько настенных бра давали достаточно света, но небольшой круглый стол посередине, заваленный какими-то бумагами и картами, дополнительно освещался ещё и настольной лампой. Письменный стол у окна с парой телефонных аппаратов и такой же настольной лампой, да диван у стены с небольшим круглым столиком у изголовья завершали обстановку.

На диване, откинувшись на подушки, сидел Сталин. Задумчивое лицо вождя, его расслабленная поза и курящаяся дымом трубка, на которую он совсем не обращал внимания, вызвали у них некоторое замешательство. Они замерли при входе, не решаясь нарушать его раздумья, но он поднял на них взгляд и сказал:

– Проходите, товарищи.

Егору показалось, что сейчас его акцент был слышен гораздо более отчётливее, чем в Кремле. Они сделали несколько шагов вглубь комнаты и, приблизившись замерли, ожидая дальнейших распоряжений.

– Садитесь, товарищи, не на параде, – кивнул вождь на стулья, – Как догадались, товарищ Клочкова?

– Ушные раковины человека почти так же индивидуальны, как и дактилоскопические отпечатки пальцев. К тому же почерк.

– Почерк? – удивился Сталин.

– На столе в вашем кремлевском кабинете лежали бумаги. Когда мы вошли, ваш двойник что-то писал.

Сталин улыбнулся и потрогал себя за ухо.

– Интересный вы человек, товарищ Клочкова. Я тут ознакомился с вашей биографией и отчетом о действиях. Читается, как приключенческий роман. Может, книгу напишете после войны?

– Можно в соавторстве, товарищ Сталин? – вполне серьезно попросила Юля, – Я не обладаю литературным талантом.

– Не скромничайте. Я читал ваши рекомендации. Написано неплохо, – улыбнулся вождь и, помолчав немного, добавил, – Предлагаю поговорить, так сказать, неофициально. Будем считать, что вы у меня в гостях, а не на докладе. Можете курить, товарищ Клочкова. Или лучше называть вас Юрием Андреевичем?

– Как вам удобно. Я уже привык.

– Пожалуй, неправильно будет называть молодую и красивую девушку Юрием Андреевичем, – снова усмехнулся Сталин в усы.

Юля нейтрально пожала плечами и промолчала.

– Вы, наверное, хотите спросить меня, почему я вам не поверил и мы несём теперь такие потери?

– Никак нет, товарищ Сталин. Это как раз неудивительно. Было бы странно, если б вы нам сразу поверили в той ситуации, да ещё при таком потоке противоречивых донесений. Предположение о том, что Гитлер решится на такую авантюру, как война на два фронта, было маловероятно. К тому же, пакт о ненападении всё же какой-никакой, а документ.

– А вы не пытаетесь сейчас найти оправдание просчетам руководства нашей страны и лично товарища Сталина? – каким-то нехорошим тоном поинтересовался Сталин.

– Никак нет. Германия не обладает ресурсами для ведения затяжной войны с Советским Союзом. Да и если бы не просчет их разведки, не сумевшей оценить реальный военный потенциал нашей страны, нападения бы вообще могло не быть. У Гитлера был только один шанс. «Блицкриг» – по-немецки молниеносная война.

– Вы сказали был?

– Так точно, товарищ Сталин. Теперь наша победа – это вопрос времени.

– Ну что вы всё «так точно» да «никак нет». Заладили, как попугай.

– Отвечаем согласно устава, товарищ Сталин.

– У нас этот устав пока не принят. Да и договорились ведь, что не на докладе, – недовольно сказал вождь и, помолчав, добавил, – В такой тяжёлой, можно сказать, катастрофической обстановке нам всем нужна ваша уверенность.

– Мы не обладаем сведениями о состоянии дел на фронтах, но думаю сейчас ситуация всё же лучше, чем описанные нами события.

– Лучше, – не стал спорить Сталин, но настроение у него явно испортилось, – Давайте вернемся к тем предателям, о которых вы рассказывали. Что именно сделали эти партийные чиновники?

– Иосиф Виссарионович, в заговоре были замешаны и некоторые представители высшего генералитета. Расследование причин трагедии начала войны выявило множество достаточно неприглядных фактов, которые могли бы бросить тень на героев-победителей. Преступная халатность как минимум. Да и их действия в военные и послевоенные годы вызвали много вопросов. Злоупотребление властью и присвоение трофейного имущества – это далеко не полный перечень их прегрешений. Вот и получился такой военно-партийный симбиоз.

– Продолжайте, товарищ Клочкова, – подбодрил её Сталин.

– После Вашей смерти, власть захватили люди, которые если и не являлись откровенными врагами государства, то болтунами-популистами точно. Они приняли очень много неправильных решений и сделали столько ошибок, которые впоследствии и развалили нашу страну.

– Когда это случилось?

– В 1991 году.

– Я проживу столько лет? – удивился Сталин.

– Нет. Я просто решила, что вы спрашиваете о дате развала СССР.

– Я спрашивал не об этом...

Юля открыла было рот, но тут вклинился Егор.

– Не надо, товарищ Сталин!

– Что вы этим хотите сказать, товарищ Иванов? – глаза вождя сузились, и Егор уже пожалел о своей реплике, но отступить было поздно.

– Нельзя нормально жить и работать, зная точную дату своей смерти. Я в детстве читал один роман фантастический. Так там по планетам были расставлены приборы, предсказывающие судьбу. Всё население этих планет либо спивалось, либо заканчивало жизнь самоубийством. Раса деградировала и не могла развиваться.

– Возможно, вы и правы, товарищ Иванов, – после долгой паузы задумчиво сказал Сталин, – Надеюсь, моя смерть хотя бы будет ненасильственной?

– Однозначного ответа я не знаю, – сказала Юля, – Есть несколько версий. От не оказания своевременной медицинской помощи до отравления. А учитывая, что люди, занявшие ваше место, имели большие возможности уничтожить улики, то правду, наверное, никто никогда не узнает.

– А почему не оказали помощь? – удивился Сталин, – Есть же дежурные врачи.

– Незадолго до своей смерти вы отдалили от себя Власика и Поскребышева, были заменены и врачи.

– Всё это очень странно, – сказал Сталин, – Рассказывайте всё по порядку, но без дат. Действительно, не нужно знать точно, когда именно...

– Товарищ Сталин, я никогда не интересовалась этим вопросом специально. Знаю только, что вы провели вечер в компании Маленкова, Берии, Хрущева и Булганина. Потом они уехали, а вы отправились спать. Обнаружили вас на полу ещё живого. Доложили соответственно по команде. В общем, они там долго созванивались между собой, потом приехали Берия с Маленковым. А врачей вызвали слишком поздно, и время было потеряно. Диагностировали инсульт, если я не ошибаюсь.

– Ну а вы, товарищ Клочкова, сами что думаете по этому поводу? – спокойно спросил Сталин.

Егор очень удивился такому его спокойствию. Не каждый день тебе рассказывают, как именно ты умрёшь.

– Мне бы не хотелось выносить оценочных суждений, товарищ Сталин. Я не в полной мере владею информацией.

– А вы, товарищ Иванов, что думаете?

– Я тоже хотел бы воздержаться.

– Также не владеете информацией? – притворно удивился Сталин.

– Просто страшно, – спокойно ответил Егор.

– Что вы имеете в виду? – нахмурился Сталин.

– Моё мнение очень субъективно и основано на непроверенных данных. И состоит, в основном, из стереотипов, навязанных несколькими видеороликами, правдивость которых под большим вопросом. Простите, товарищ Сталин, видеоролик – это такой коротенький фильм, который может снять кто угодно. Я ведь не был в архивах и не держал в руках документов.

Хотя и они, в свою очередь, могут быть сфальсифицированы. А обсуждаемый вопрос слишком важен. И последствия могут быть очень серьёзными. Страшно ошибиться и дезинформировать. Я слышал, что вы накануне смерти собирались обновить правящую верхушку молодыми кадрами, но так ли это на самом деле – я не знаю.

– Продолжайте, – взглянул Сталин на Юлю.

– Потом пошла делёжка власти. Берю то ли сразу убили, то ли через время судили и расстреляли. Там тоже тёмная история. В общем, к власти пришел Хрущев, который и развенчал культ вашей личности и свалил на вас всю ответственность за всё, что только можно, скромно умолчав о своих заслугах в деле репрессий врагов народа.

– Разрешите, товарищ Сталин? – встрял Егор, – Есть еще одна конспирологическая версия вашей гибели. Вы отменили привязку рубля к доллару и перевели рубль на постоянную золотую основу. Договорились о создании финансово-экономического блока с полусотней стран мира. Так появился бы общий рынок, который был бы свободен от доллара и соответственно от политического влияния США. Но золотой советский рубль не стал расчетным средством внедолларовой зоны, хотя, кажется, уже всё было решено. Конспирологи настаивают на том, что именно это стоило вам жизни. Кстати говоря, такая же судьба постигнет в будущем ещё нескольких лидеров арабских стран.

– Интересно, очень интересно, товарищ Иванов, – задумчиво протянул Сталин, раскуривая трубку, – Интересуетесь историей экономики?

– Никак нет. Знакомый отца, специалист по финансам, рассказывал. Заинтересовавшись, я проверил, используя информацию в свободном доступе.

– Но вы, судя по всему, разбираетесь в вопросе. По крайней мере, не спотыкаетесь на терминах. Кто вы по образованию?

– Юрист. Окончил Московскую академию Следственного комитета. Курс экономики прослушал, – бодро отрапортовал Егор, вновь не упоминая Российскую Федерацию, и давая понять, что не экономист совсем.

Сталин понял его правильно, и ухмыльнувшись посмотрел на Юлю.

– Значит, товарищ Хрущев опять вернулся к доллару?

– Так точно. Егор правильно рассказывает. Реформы Хрущева впоследствии девальвируют рубль и вернут привязку к доллару.

– Что ещё сделал товарищ Хрущев?

– Военная реформа оставила без работы очень много профессиональных солдат, пострадала авиация и океанский флот. Сельскохозяйственная реформа привела к дефициту хлеба, закупкам зерна за рубежом и уничтожению поголовья скота. Он разорвал дружеские отношения с Китаем. И мне кажется, что именно при его правлении расцвела партийно-чиновничья номенклатура, а сами принципы социалистического строя были нарушены.

– Ну, а что полезного он сделал? – продолжал допытываться Сталин.

– Он не начал войну с использованием оружия массового поражения с США и подписал договор о запрете любых видов испытаний подобного оружия. Жилищное строительство шло очень хорошими темпами. Квартиры были маленькие и неудобные, но зато отдельные. Пенсионная реформа тоже удачной получилась. На пенсию можно было прожить, – Юля замолчала и задумалась.

– Ещё он осваивал целину и сажал кукурузу. И, кажется, при нем отменили крепостное право в колхозах, – пришел ей на выручку Егор и тут же прикусил язык.

Но уже было поздно. Сталин смерил его тяжелым немигающим взглядом и от этого взгляда ощутимо повеяло угрозой.

– Вы ошибаетесь, товарищ Иванов. Крепостное право отменили гораздо раньше. И неправильно сравнивать советского колхозника с крепостным крестьянином.

– Так точно. Виноват. Я хотел сказать... – сбивчиво начал Егор, но Сталин прервал его взмахом руки.

– Не нужно оправдываться. Я вас слышал и прекрасно понял, что вы хотели сказать.

Егор осознал, что его дальнейшая судьба только что была решена. После такого – окончательно и бесповоротно. Тут расстреливали и за меньшее. Волнение, заставляющее его сердце бешено колотиться, прошло. Его сменило какое-то странное чувство безнадежной апатии. Нужно было как-то спасти себя. Хотя бы попытаться. Шансы конечно невелики, но терять ему, похоже, было уже нечего...

– Разрешите, товарищ Сталин?

Вождь взглянул на него явно неодобрительно, но все же кивнул.

И Егор начал говорить, поначалу робея и пытаясь подбирать слова, но незаметно для себя увлекся, и уже говорил, не особенно задумываясь над последствиями. Эта злосчастная оговорка стала для него каким-то спусковым крючком или перегоревшим предохранителем.

– Я был, конечно, не совсем удачен в формулировке, но по сути ведь всё верно. Советский колхозник всегда находился в незавидном положении. Именно он оплатил своим потом индустриализацию страны. А сейчас кровью заплатит за победу в этой войне. А потом будет восстанавливать страну из руин. Всё время в тяготах и лишениях. И даже паспорта у него нет. Будто человек второго сорта. Он даже никуда поехать не может. И я не про Ниагарский водопад говорю, а по своей стране. А ведь ему ещё Ленин обещал, что грань между городом и деревней будет стерта. Лет через тридцать только паспорта отдадут, а грань эта разве что в наше время сотрётся. Да и то не полностью.

Сталин отмахнулся от его слов каким-то нервным недовольным жестом.

– Продолжайте, товарищ Ключкова, а то мы что-то отвлеклись с товарищем Ивановым. Меня интересуют, как вы сказали «оценочные суждения» или вы опять сошлётесь на незнание вопроса?

– Проведенные им реформы, на мой взгляд, принесли больше вреда чем пользы, – ответила Юля, – Да и замена сдельной оплаты труда тарифной и введение бездумного нормирования ни к чему хорошему не привели. Людям просто стало невыгодно работать больше, так как при перевыполнении плана нормы поднимали, а вскоре была практически полностью упразднена система поощрений. К тому же всё больше власти оказалось в руках партийных чиновников, для которых их личное положение в партии и структурах власти было важнее интересов страны.

Сталин примял табак и раскурил трубку, выпустив вверх облако дыма.

– Что дальше?

– Потом Хрущева сместили, и к власти пришёл Леонид Брежнев. Пробыл у власти восемнадцать лет. Эту эпоху потом называли «застоем», хотя, как по мне, так это был расцвет социализма: бесплатное образование и здравоохранение, десятки миллионов семей получили бесплатное жильё. Номинальная стоимость квартплаты и энергоресурсов для населения. Автомобиль стал доступен не только для избранных. За время его правления отметился рост благосостояния народа, соответственно увеличилась и численность населения. Экономика, правда, замедлила рост, но, наверное, и невозможно развивать её такими темпами. Рано или поздно спад неизбежен. К тому же, в связи с высокими ценами на нефть денег стране хватало. При этом надо учитывать, что четверть доходов страны тратилось на армию и развитие вооружений.

– Это все хорошо, товарищ Ключкова, – прервал её Сталин, – Но вы сейчас говорите только о достижениях. Меня же больше интересуют промахи и ошибки.

– Наверное дефицит товаров народного потребления, в основном импортного производства, огромные очереди в магазинах и спекуляция. Ну и, конечно, «кумовство». На вышестоящие и руководящие должности стали выдвигать не специалистов своего дела, а тех, кто имеет

родственные связи. Также коррупция. Она хоть и не достигла такого размаха, как в нашем времени, но уже была проблемой.

Сталин кивнул задумчиво и, взглянув на настенные часы, сказал.

– У меня мало времени, товарищи. Много дел накопилось – приходится дома работать. Изложите всё на бумаге, а я позабочусь, о том, чтобы ваши сведения не достались врагу. Что касается вас, то есть мнение использовать вас в работе на Дальневосточном направлении. Ситуация там беспокойная. Вам будет чем себя занять. Да и допустить захвата вас врагами мы не имеем права. Какие-нибудь личные просьбы имеются?

– Никак нет, – ответили они синхронно.

Сталин усмехнулся в усы и сказал:

– Можете идти, товарищи.

Они встали и вышли из кабинета. Их давешний провожатый дисциплинированно стоял на том же месте. Егор закрыл за собой дери, а Юля, подойдя к старлею, сказала:

– Передайте, пожалуйста, товарищу Власику, что я прошу его уделить мне пару минут.

– Следуйте за мной, – бесстрастно произнес тот в ответ и повел их к выходу.

На улице он передал их под присмотр охраны и удалился. Юля закурила и принялась внимательно рассматривать стоявший во дворе автомобиль. Похоже, именно тот, на котором они сюда прибыли. Минут через десять к ним подошел невысокий военный лет сорока пяти с тремя ромбами в петлицах госбезопасности. Юля вытянулась и, сделав пару шагов в его сторону, козырнула.

– Разрешите обратиться, товарищ комиссар государственной безопасности 3-го ранга?

– Обращайтесь.

– Товарищ Власик, я прошу личной встречи с товарищем Сталиным.

– Вы ведь только что от него? – удивился Власик.

Юля улыбнулась и протянула ему свои руки.

– Наденьте браслеты, если необходимо, но нам очень нужно поговорить именно с товарищем Сталиным, а не с ряжеными актерами.

Власик улыбнулся широко и открыто, хотя глаза по-прежнему оставались холодными и настороженными.

– Значит, не поверили?

Юля пожала плечами.

– Ну, и где мои люди на этот раз прокололись? Про уши и почерк я уже слышал.

– Нас привезли с парадного входа и не заставили ждать в комнате охраны. Не обыскали ещё раз перед аудиенцией. Выходящий из кабинета лётчик-комкор выглядел слишком счастливым. Как-то неуместно для данной ситуации.

– Юдин – сволочь. Женился на той неделе. До сих пор ходит довольный, – улыбнулся Власик.

– Может, стоит ему сказать, что семейная жизнь – это не только поцелуи, конфеты и букеты, но ещё и совместные бытовые проблемы, пеленки-распашонки и тому подобные мелочи? – вполне серьёзно спросила Юля.

– Я ему много чего расскажу. Можете даже не сомневаться, – пообещал Власик, – Что ещё было не так?

– Товарищ Сталин потратил своё время на выслушивание информации, которую ему скорее всего уже докладывали, а прервал нас, когда мы начали подходить к самому интересному. К тому, из-за чего сюда прибыли, и чего никто, кроме нас, ему доложить не сможет. К тому же, явный намек на то, что следующая встреча откладывается на неопределённый срок, да и состоится ли она вообще... всё очень походило на провокацию активных действий. Мне показалось это неубедительным.

– Хорошо, – согласился Власик, – Но ведь было и еще что-то?

– Да, – не стала отрицать Юля, – Но это трудно будет объяснить. Внутренние ощущения. Не почувствовала я в нём сильной личности. А этого никак не должно было случиться. Значит, опять театр.

Власик целую минуту молча смотрел на неё, а затем неожиданно сказал:

– А переходите ко мне, товарищ Ключкова. У вас тут будут большие перспективы.

– Николай Сидорович, я не кривила душой, высоко оценивая вашу компетентность. Мой приход ничего не изменит принципиально. Есть места, где я реально могу принести гораздо больше пользы. Извините.

– Вам не за что извиняться, товарищ старший лейтенант. Встречу я постараюсь устроить, а вы тем временем можете привести себя в порядок. И ордена новые наденьте, – улыбнулся Власик, – Вас проводят.

Он неторопливо вернулся в дом. Давешний старлей тронул Егора за руку.

– Пошли со мной.

Егор двинулся за ним, но пройдя несколько шагов обернулся. Юля в сопровождении какой-то девушки в форме шла следом.

В небольшой комнатенке, предназначавшейся очевидно для какой-то услуги, он скинул гимнастерку и задумался. Что делать с новым орденом он не знал. Точнее, знал теоретически, но тут и ошибиться было недолго. Любая награда в зависимости от статуса требовала своего места. Орден трудового красного Знамени ему кто-то прикрутил на отглаженную гимнастерку, и ни у кого вопросов не возникло. Но как теперь быть со вторым?

Незнакомый старлей молча сидел в сторонке и никак себя не проявлял. Егор решил обратиться к нему за помощью.

– Товарищ старший лейтенант, вы мне не поможете?

Старлей встал с видом полного безразличия, но, узнав суть просьбы, округлил глаза. Удивленный взгляд при виде ордена так резко контрастировал с его деланным безразличием, что Егор улыбнулся. Но это его удивление не шло ни в какое сравнение с тем, что отразилось на лице старлея при виде наград Юли. Пожалуй, этот парень не мог даже рассчитывать на что-то подобное. Егор где-то слышал, что Сталин не особо баловал своих охранников.

Браслеты на них надевать не стали. Ограничились тщательным обыском. Инструкции были краткими. «К товарищу Сталину не приближаться. Резких движений не делать». Ожидание аудиенции оказалось не очень долгим. Их провели в большую комнату, где во главе длинного стола восседал очередной Сталин. Судя по стоящему позади вождя Власику, и двум присутствующим в комнате охранникам, этот был настоящий.

Они приблизились к противоположному краю стола строевым шагом и замерли навзтяжку.

– Здравствуйтесь, товарищи, – приветствовал их Сталин.

– Здравия желаем, товарищ Верховный Главнокомандующий, – синхронно ответили они.

– Садитесь, – сказал вождь и, обернувшись к Власику, добавил, – Посмотри, какие орлы, Николай Сидорович.

– Согласен, товарищ Сталин, – улыбнулся Власик, – Орел и орлица.

– Да орлица, – согласился тот, – Это правда, что вы в одиночку уничтожили целый взвод?

– Так точно. Правда, четверым врагам тогда удалось уцелеть. И всего лишь трое были ранены, – скромно сказала Юля.

– Это не умаляет вашего подвига. Но как вам удалось это сделать в одиночку?

– Нас хорошо готовили, товарищ Сталин. А это обычная пехота. Тем более, тыловые части. Там было только трое достойных соперников, и я уничтожила их практически сразу.

– Это правильно, товарищ Ключкова. Опасных врагов нужно уничтожать первыми, – Сталин уперся в Юлю своим тяжелым немигающим взглядом, – Но у меня всё же остались сомне-

ния. Что-то я не припомню, чтоб в одиночку воевали против целого взвода и оставались в живых.

Юля в ответ лишь пожала плечами.

– Подкрепить свои слова мне нечем. Могу лишь повторить – у меня очень хорошая подготовка. Если вы прикажете, то я могу убить всех, кто находится в этой комнате и покинуть охраняемый периметр.

Власик положил руку на кобуру своего пистолета, но Сталин, видимо уловив краем глаза это движение, небрежным жестом остановил его.

– И вам опять будет нечем подтвердить своё, прямо скажем, самоуверенное заявление? – усмехнулся он в усы.

– Можем провести эксперимент, – спокойно, даже как-то лениво ответила Юля.

– А ведь она не шутит, Николай Сидорович, – Сталин полуобернулся к Власику, – Это хороший способ проверить твоих людей.

– Возражаю, товарищ Сталин. Ребячество какое-то... – подал голос Власик.

– Ну ведь ты гарантируешь мою безопасность? Чего тогда волноваться?

– Это не повод для экспериментов. Мы не имеем права рисковать Вашей жизнью.

– То есть риск всё же есть? – прищурился Сталин.

Власик замылся и нехотя признал этот факт.

– Минимальный, товарищ Сталин.

– Это хорошо, если минимальный, – Сталин повернулся к Юле, – А как вы сами оцениваете ваши шансы?

– Шансы убить Вас, товарищ Сталин, девяносто девять из ста. Это в том случае, если Вы не очередной двойник. Выйти живым из этой комнаты где-то семьдесят или восемьдесят – будет зависеть от действий товарища Иванова и наличия патронов в пистолетах охраны. Покинуть периметр – процентов девяносто.

– Опять очень самоуверенное заявление, товарищ Ключкова. Расскажите каким образом вы могли бы нас всех убить, – Сталина явно забавляла эта игра.

Юля быстрым внимательным взглядом окинула комнату и после секундного колебания ответила, тщательно взвешивая свои слова.

– Сейчас ваша охрана приблизилась к нам сзади – это повышает мои шансы на успех.

Егор оглянулся. Действительно, парочка, дежурившая у входа, теперь стояла в паре метров за ними.

– Если Вас интересует порядок очередности, товарищ Сталин, то Вы, конечно, – приоритетная цель, – улыбнулась Юля натянуто, – Потом охрана сзади, товарищ Власик и Егор. Если оружие охраны не заряжено, тогда я просто уйду. Товарищи Власик и Иванов останутся в живых.

– Всё это только слова, товарищ Ключкова, – недовольно сказал Сталин.

– Мне не хотелось бы бросать тень на товарища Власика. Он настоящий профессионал своего дела. Но, если прикажете, я могу продемонстрировать. Без смертей, разумеется.

– Начинайте, – Сталин подался вперед, с интересом наблюдая за Юлей.

Егор обернулся к Юле в тот момент, когда она резко взмахнула рукой в сторону висевшей на стене политической карты Мира. Метательный нож глубоко вошел в деревянную стеновую панель. Юля, оттолкнувшись от ножки тяжелого стола, опрокинулась назад вместе со стулом, и легко кувыркнувшись, ловко спружинила от пола руками и ногой ударила в живот одного из охранников. Надо отдать должное, второй охранник среагировал грамотно. Он не стал терять время, пытаясь достать оружие, а ударил Юлю кулаком в голову. По крайней мере, он попробовал это сделать. Юля классическим боксерским нырком уклонилась буквально на несколько выверенных сантиметров и пропустила этот мощный боковой над своей головой. А затем мягким кошачьим движением ладони снизу-вверх за подбородок запрокинула назад голову своего

оппонента и, потянув за рукав, повалила его на пол, заставив развернуться вокруг своей оси. Обойма новенького ТТ выскользнула из появившегося в её руке пистолета и звонко стукнулась об паркет одновременно с щелчком затвора. Патронов в пистолете не было

– Бах, бах, бах, бах, – весело сказала Юля, поочередно направляя пистолет на товарища Власика, Егора и лежащих на полу охранников.

Сталин не удержался и пару раз вяло хлопнул в ладоши. Егор отметил, что левая рука Сталина плохо его слушается. Память услужливо подсказала, что это какая-то старая болезнь, но какая именно, он не помнил. Да это было и не важно.

На Власика было больно смотреть. Он неотрывно следил за Юлей, и Егор подумал, что сейчас она нажила себе могущественного врага. Охранники встали, и Юля отдала хозяину его пистолет.

– Откуда нож? – рявкнул Власик. Такой тон не предвещал ничего хорошего.

– Товарищи, прошу вас не наказывать сотрудников охраны. Они действовали вполне профессионально. Просто они не заточены для работы с карманниками. Я перед обыском подложила нож обыскивавшим меня людям, а потом забрала обратно.

Сталин встал, и, оглянувшись на вскочившего Егора, жестом усадил того обратно. Потом подошел к висевшей на стене карте, из которой торчал нож, и с минуту молчал, разглядывая карту. Затем выдернул нож и покачал головой.

– Глубоко вошел. Смотри, Николай Сидорович, точно в Берлин попала. Так говоришь, риск минимальный?

– Товарищ Сталин... – начал было Власик, но Сталин недовольно прервал его взмахом руки.

– Потом поговорим, товарищ Власик. Благодаря Юлии Андреевне мы смогли выявить слабое место в системе охраны. Надо теперь сделать правильные выводы.

Сталин вернулся и сел на своё место.

– Нам пригодятся ваши знания и опыт. Подготовьте учебное пособие и не переживайте по поводу нехватки литературных талантов. Вам помогут в этом наши лучшие специалисты.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

– Товарищ Иванов, нам не совсем понятно, что это у вас за отряд такой? Что за быстрое реагирование? И что за следственный комитет?

Сталин посмотрел прямо в глаза Егору, и, несмотря на разделяющее их расстояние, тот почувствовал себя весьма неуютно.

– Отряд создан для проведения специальных операций и оперативного реагирования на сложные и чрезвычайные ситуации. Применяется для борьбы с организованной преступностью, терроризмом, силовой поддержки следственных действий и других оперативно-розыскных мероприятий. Следственный комитет входит в структуру министерства внутренних дел и осуществляет уголовно-процессуальную деятельность на досудебной стадии в форме предварительного расследования и дознания.

– Преступность и терроризм стали такой проблемой, что потребовали создание военизированных отрядов милиции?

– Так точно.

– С этим мы попозже разберёмся. А что за важные сведения вы хотели нам сообщить? – Сталин прищурил свои желтые тигриные глаза и Егор вновь почувствовал себя дискомфортно. И это Сталин смотрел не прямо на него, а на Юлю. Егор поежился, представив, что бы он ощутил сейчас на её месте. Этот абьюзер явно давил на него.

Юля оглянулась на безмолвных охранников и, тяжело вздохнув, сказала:

– В 1991 году Советский Союз прекратит своё существование. Следственный комитет появится уже у Российской Федерации. И СОБР – это отряд полиции, а не милиции.

В комнате воцарилась тишина. Егор впервые подумал, что сохранение такой тайны вполне могут обеспечить за счет их жизней. Не пощадят, пожалуй, даже сто раз проверенную охрану.

– Кто-нибудь ещё из попавших к нам людей может подтвердить эту информацию? – нарушил молчание вождь.

– Не могу знать, товарищ Сталин, – вскинулась Юля, – Мы разговаривали с ними только один раз и то совсем недолго. Насколько я поняла, девушка с мужем попали сюда из девяностого года. Возможно, они застали так называемый «парад суверенитетов» союзных республик.

– Парад суверенитетов? – переспросил Сталин каким-то очень страшным тихим голосом, а затем добавил что-то неразборчиво по-грузински.

– Так точно. Все республики захотели независимости, – как можно спокойнее ответила Юля, но знавший её Егор ощутил нервное напряжение.

– Почему так случилось? – акцент вождя явно усилился.

– В 1985 году новым генсеком СССР стал Михаил Горбачёв. Он пытался реформировать идеологическую и политическую систему, но по факту просто развалил большую и сильную страну. А потом уехал на запад с десятью миллиардами долларов. Наверное, это и была цена предательства. Те самые тридцать сребреников.

– И что, некому было его остановить? – недоверчиво протянул вождь.

– Была такая попытка. В августе девяносто первого. Но у них ничего не вышло. Был даже референдум, где большинство проголосовало за сохранение Союза, но мнение народа никого не интересовало. СССР распался на независимые государства. Холодная война с США и Западом была проиграна. Капитализм восторжествовал. Все крупные предприятия и месторождения полезных ископаемых попали в частные руки. Население мигром обнищало, но появилась кучка очень богатых людей, которые и стали управлять остатками некогда могучей империи.

– Куда смотрел НКВД? Ведь это предательство! – почти зарычал вождь.

– Они бездействовали, – сказал Егор, – Коммунистическая идеология уже не работала. Западная пропаганда знатно прочистила мозги населению. Это случилось ещё до моего рождения, но я писал курсовую по этой теме. У нас тоже были чистки в армии, МВД и госбезопасности незадолго до этого. Авторитет силовых ведомств сильно пошатнулся. Да и потом, во время межнациональных конфликтов наши солдаты воспринимались населением не как люди, способствующие восстановлению мира, а...

– Что же вы замолчали, товарищ Иванов? – произнес Сталин уже более спокойным голосом.

– Не могу подобрать подходящего эпитета, – честно ответил Егор, – Очень много грязи вылили тогда разные деятели на компартию и силовиков. Всё припомнили.

– А не нужно ничего подбирать, товарищ Иванов! Говорите правду. И не стесняйтесь.

– Да ну, мне ещё пожить хочется. К тому же вы окажетесь правы: ветер истории развеял почти весь мусор, что натащили враги на вашу могилу.

– Почти, но не весь? Что же осталось? – удивился Сталин, – Говорите, товарищ Иванов. За свою жизнь можете не опасаться.

– Товарищ Сталин, я не имею права судить или даже осуждать вас и ваших товарищей. Пусть история всех рассудит. Как говорит Юрий Андреевич – суди по делам его. Это он не о вас, а вообще, но мне кажется, что очень подходящее выражение. Несмотря на разницу во времени, вас помнят все. И достижения помнят, и неудачи. Даже анекдоты до сих пор рассказывают. А это, наверное, и есть показатель популярности среди народа.

– Анекдоты? – нахмурился вождь, – Например.

– Да я не помню так вот сразу чтоб... – смешался Егор, внезапно вспомнив, как тут относятся к анекдотам про вождей революции.

– Не лгите мне, товарищ Иванов, – строго сказал вождь и испытывающе посмотрел ему прямо в глаза. Как ему это удалось сделать с противоположного края длинного стола, было решительно непонятно.

– У нас очень высокий уровень коррупции сейчас, – начал Егор неуверенно, – Вот и ходит анекдот о том, что наше правительство выделило на борьбу с ней пять миллиардов. А товарищ Сталин выделил бы два кладбища и за неделю решил бы вопрос.

Сталин несколько секунд молчал, буравя его взглядом. Потом вдруг откинулся назад и громко расхохотался. Егор облегченно выдохнул. Вроде пронесло.

– Значит, я остался в памяти людей как палач? – отсмеявшись, спросил вождь и Егор мгновенно ощутил угрозу.

– Нет, товарищ Сталин. Согласно данным социологических опросов вы прежде всего талантливый руководитель. К тому же входите в пятерку самых популярных людей двадцатого века в России.

– В России, – протянул вождь с презрительной интонацией, – А кто же ещё входит в эту вашу пятерку?

– Вы, Ленин, Толстой, Гагарин и Высоцкий.

– Владимир Ильич – это очень правильно. А Толстой – это граф, который «Войну и мир» написал, или Алексей, который бывший эмигрант?

– Лев Толстой.

– А остальные кто такие?

– Гагарин – первый человек, побывавший в космосе. А Высоцкий – актер, поэт и исполнитель своих песен. Они сейчас ещё дети.

– Как можно ставить в один ряд великого Ленина и каких-то актеров и писателей? – спросил Сталин, – Да и человек этот полетел в космос не сам по себе, а благодаря труду многих других.

– Я не знаю, – развел руками Егор, – Это результаты опроса популярности, а не личных заслуг. К тому же, в нашем времени очень хорошо умеют манипулировать общественным мнением, даже термин такой есть – информационная война. Средствами массовой информации можно убедить людей в чем угодно.

– Мы понимаем важность таких средств, товарищ Иванов, но сейчас разговор не о них. Меня больше интересует ваше личное отношение к нашему государству и его политике. Как представителя своего времени.

– Да какое у меня может быть отношение? Я русский человек. Коренной москвич. Конечно, попав сюда, я встал на сторону своих. А как представитель своего времени я мало что понимаю в этом. Как и большинство моих современников. Я не знаком с учением марксизма-ленинизма. И не застал Советский Союз в эпоху его расцвета и могущества. Но ведь всё это было! И хорошо все жили. И считался с нами весь остальной мир. Ну, а какими методами этого всего достигали и какой ценой... На мой взгляд, цена слишком высокая. Да и методы управления могли бы быть не такие драконовские.

Егор перевел дух и испугался. Он осознал сказанное. И кому сказанное!

– То есть Вы считаете наши методы излишне жестокими? – вкрадчиво поинтересовался вождь.

– Я никогда особо не интересовался историей вообще, да и этим временем в частности, но, попав сюда, начал думать и пытаться анализировать. И всё равно многого не понимаю. Как можно репрессировать человека за неосторожное высказывание? Ведь это не призывы к поджогам или массовым убийствам. Я вот сейчас сказал, не подумав, и теперь сижу и понимаю, что мне конец! Но ведь так не должно быть...

– Продолжайте, товарищ Иванов, – ободрил его Сталин, – То есть вы считаете, что для вас уже всё кончено?

– А разве нет? – удивился Егор, – Да и не во мне ведь проблема. Это для меня моя жизнь имеет ценность, а для страны не очень. Никто и не заметит. А вообще для истории – так тут и говорить не о чем. Но я не о себе сейчас хотел сказать. Были ведь у нас видные ученые, некоторые с мировым именем! Даже я могу назвать несколько известных фамилий, хоть и родился через пятьдесят лет. Зачем эти удары по своей же науке? Целыми семьями ведь репрессировали! Что это, как не сознательное уничтожение генофонда нации? Да и с простыми людьми не лучше. Вот, например, мы освободили пленных красноармейцев, и они хорошо воевали потом. А попади они в руки особого отдела – так сразу трус, предатель и враг народа. И должен теперь кровью искупить. А они не по своей вине в окружении оказались. Кого-то, может, контуженного в плен захватили или вообще без сознания. Никому ведь ничего не докажешь, даже слушать никто не будет. Или обычные мирные люди, оказавшиеся на оккупированной территории? Они же до конца дней будут носить это клеймо. А в чем их вина?

Я могу понять классовую борьбу – это идейные враги; с ними всё понятно. Я могу понять борьбу за власть – в конце концов, это были профессиональные революционеры, не умеющие ничего другого, как свергать существующий государственный строй. И рано или поздно их что-нибудь не устроило бы в сложившемся порядке вещей. Я даже могу если не понять, то хотя бы объяснить смысл уничтожения всех этих белогвардейцев, перешедших на нашу сторону. Военспецы – так, кажется, их тогда называли. Думаю, они тоже внесли свой вклад в исход Гражданской войны. Да и сейчас бы оченьгодились, при таком дефиците опытных командиров. Я понимаю смысл чисток в армии, НКВД и партии. Наверняка там были и шпионы, и заговорщики, и какие-нибудь вредители-троцкисты... Но сколько их там было то? А остальные? А жёны их и дети? Они бы сейчас тоже не помешали, там в окопах на передовой, или на эвакуированных предприятиях в тылу. Я, конечно, не вправе давать вам советы, но ведь можно их было как-то использовать на благо страны.

Но вот чего я совсем не понимаю, так это того, как можно уморить голодом сотню тысяч человек, а потом бросить войска для подавления восставших обезумевших от всего этого людей. Они же детей своих ели! Попробуйте себя на их место поставить. Да неужели без этого никак нельзя было обойтись? Разве пара мешков зерна ценнее жизнью целой семьи? Они ведь не враги были, а граждане нашей страны. Зачем вы так с людьми поступаете?

Егор снова перевел дух, и его взгляд упал на Юлю. Она сидела абсолютно неподвижно с мертвенно-бледным лицом и не отрываясь смотрела на Сталина.

Сталин же внешне вообще никак не отреагировал на этот импульсивный монолог. Он продолжал пристально смотреть на Егора своим холодным тяжелым взглядом, сверля его желтыми тигриными глазами. Наконец сказал:

– Я не буду вам ничего объяснять, а тем более оправдываться. Это не в привычках товарища Сталина. Могу лишь посоветовать Вам, товарищ Иванов, быть более осмотрительным и не задавать впредь товарищу Сталину подобных вопросов.

– Слушаюсь, товарищ Сталин, – Егор вскочил, но, повинуясь небрежному жесту, снова опустился в кресло.

– Хотя, справедливости ради, надо признать, что над некоторыми вашими словами стоит подумать... – произнес вождь и, достав из лежащей на столе пачки папиросу, принялся набивать свою трубку, – Я не совсем понял насчет генофонда, наверное, какой-то ваш новый термин. Ну ладно, это пока оставим.

Вождь примял пальцем табак и прикурил от спички Власика. Сделав пару длинных затяжек, он окутался кубами густого дыма и посмотрел на Юлю.

– Ваша информация, безусловно, очень интересная, но я надеюсь, что теперь до этого не дойдёт. Изложите всё, что посчитаете важным, в спокойной обстановке, не торопясь и без эмоций, – он взглянул на Егора и усмехнулся, – Уделите особое внимание экономическим предпосылкам, внутренней и внешней политике.

– Слушаюсь, – ответили они в один голос.

– Может быть, у вас есть ещё вопросы к товарищу Сталину? Задавайте, – Сталин вновь взглянул на Егора, но тому уже было не до вопросов. Подала голос Юля.

– Товарищ Сталин, наша информация о начале войны как-то повлияла на ход событий? Есть хоть какие-то отличия от нашей истории?

– Товарищ Ключкова, теперь это уже наша с вами общая история, – грустно сказал вождь, – А что касается вашей информации, то она стоит отдельной благодарности, не только от меня лично, но и от всего советского народа. А отличия есть, и довольно значительные. По срокам наступления немцы запаздывают почти на месяц. А это очень важный для нас месяц. Мы сумели избежать очень многих ошибок, изложенных в ваших письмах. Ни о каких тысячах самолётов и танках, потерянных в первые дни войны, речь теперь не идёт. Также удалось вывести большую часть артиллерийских снарядов и стрелкового вооружения из приграничных районов. Спасли даже дорогостоящие крупнокалиберные орудия особой мощности. Это всё уже поступило в войска. Мы успели полностью подготовить, оборонительные сооружения как на старой, так и на новой границе. Да и можайская линия обороны тоже была подготовлена заранее. Реорганизация ВВС и механизированных корпусов прошла успешно. Жаль, конечно, что только две дивизии успели укомплектовать новыми бронетранспортерами, но выпуск налажен, хотя до сих пор вносятся различные изменения. Ну и, конечно, нам удалось эвакуировать почти все предприятия вглубь страны. Врагу достались считанные единицы, да и то большей частью не подлежащие восстановлению. Также под различными предлогами удалось постепенно вывезти в тыл несколько миллионов советских граждан, которые сейчас трудятся, приближая нашу победу.

Сталин ненадолго задумался, и они, пользуясь возможностью, обменялись быстрыми счастливыми взглядами.

– Ну что вам ещё рассказать, товарищи? Выступления различных националистических банд в Прибалтике были подавлены без особых проблем. Войска особых округов были подняты вовремя и успели занять свои позиции. Пограничников и сапёров спасти было невозможно, но они все дорого продали свои жизни. Да и отступление было планомерным и заранее продуманным. Прорывы немецких танков удавалось сдерживать контрударами. Шестой механизированный корпус сражался очень хорошо. Как, впрочем, и пятый, и седьмой... Наши новые штурмовики здорово потрепали немецкие колонны на марше. Окружения наших войск, к сожалению, тоже происходили, но масштабы совсем другие. Вы писали о полумиллионе наших солдат, попавших в котёл под Киевом. Мы даже сперва не поверили. Год назад это казалось просто невероятным, – Сталин тяжело вздохнул, – Сейчас, по самым приблизительным подсчётам, под Киевом в плен попало менее ста тысяч человек. Тоже, конечно, недопустимо много.

Вождь, по-видимому совсем позабыл о своей трубке. Тоненькая струйка дыма спокойно поднималась в воздух, изредка подрагивая в такт движению руки. Сталин снова вздохнул и продолжил:

– Мы сумели без особой спешки не только провести мобилизацию, но и хоть немного обучить командиров и красноармейцев, – Сталин неожиданно улыбнулся Егору, – Кстати говоря, товарищ Иванов, предложенная вами настольная игра стала очень популярна не только среди курсантов военных училищ, но и среди опытных командиров. Насколько я знаю, уже третий раз, так сказать, официально вносят изменения и дополнения в правила.

Егор почувствовал, что начинает краснеть. Адаптированная им к здешним реалиям компьютерная игра неожиданно прижилась.

– Ваши рекомендации, Юлия Андреевна, также были учтены при разработке учебных пособий. Очень многим командирам удалось закончить ускоренный курс повышения квалификации. Этого, конечно, явно недостаточно... Нам бы ещё год, или хотя бы полгода... Вы ведь сами хорошо знаете, как важно время на войне. Сейчас войска, прибывающие из глубины

страны, могут без особой спешки занимать заранее подготовленные позиции. И это полностью укомплектованные по штату дивизии. Партизанское движение на временно оккупированных территориях удалось организовать с большим размахом – запасов им надолго хватит. Согласно донесениям, уже есть осязаемый результат. Что ещё? В Ленинграде голода тоже не будет – мы позаботились об этом. Нехватки продовольствия не избежать, но голода точно не будет. Да и самой блокады скорей всего тоже. Вы что-то хотели сказать, товарищ Клочкова?

– Так точно, товарищ Сталин. Хотела поинтересоваться по поводу поставок по ленд-лизу.

– Договоренности уже достигнуты, но когда начнутся реальные поставки, сказать пока сложно. Хорошо ещё, что мы успели закупить часть необходимых товаров перед войной и теперь сумеем какое-то время работать спокойно. К слову сказать, указанные вами месторождения уже разрабатываются, да и работы по известному вам проекту тоже ведутся. Уже были первые испытания средств доставки. Пока неудовлетворительно.

Юля понимающе кивнула головой.

– Мне показалось, что вы хотите поинтересоваться вашей дальнейшей судьбой, Юлия Андреевна.

– Никак нет, товарищ Сталин.

Сталин, наконец вспомнил о своей трубке, и сделав глубокую затяжку, сказал, внимательно глядя на Юлю:

– Есть мнение, что ваши таланты и опыт можно применить для обучения войск Особой группы при НКВД. Сейчас это 2-й отдел, занимающийся разведкой и диверсиями в тылу противника. Хотя, возможно, больше пользы вы принесёте, работая по своей специальности с водолазами. Может у вас есть какие-то свои пожелания?

– Мы готовы к любой работе, на которую нас направит партия.

– Мы? – удивился Сталин, – Я имел ввиду лично вас, товарищ Клочкова.

– Если это возможно, то я хотела бы продолжить службу с товарищем Ивановым. Мы хорошо сработались вместе, несмотря на его несколько иную специализацию.

– Я не возражаю. Но это потом. Для товарища Иванова у нас есть личное задание. Так сказать, по его специальности, – вождь опять затянулся и перевел взгляд на Егора – Вы будете наделены особыми полномочиями. И займётесь пересмотром дел и, если нужно, реабилитацией несправедливо осужденных, если такие найдутся. Но имейте ввиду, что вы будете головной отвечать, за каждого освобожденного вами человека. В нашей стране уже год действует негласный мораторий на смертную казнь. Но распространяется он далеко не на всех. На вас, товарищ Иванов, он тоже не будет распространён. И учтите, через неделю я жду от вас учебное пособие для милиции. Если посчитаете целесообразным, то объедините свои усилия с товарищем Клочковой и подготовьте один общий документ.

– Слушаюсь, товарищ Сталин, – выдавил из себя Егор.

– Спасибо, Иосиф Виссарионович, – с какой-то особой теплотой в голосе сказала Юля.

– Это вам спасибо, товарищи, – неожиданно искренне сказал Сталин, – За всё. И за Яшу моего тоже. Теперь он точно в плен не попадёт. По крайней мере, живым.

Они промолчали не зная, что на это ответить.

– Вы свободны, товарищи. И не пейте столько, Юлия Андреевна, а то мы вас расстреляем, – улыбнувшись, пообещал Вождь и подмигнул ей.

– Слушаюсь, товарищ Сталин. Разрешите идти? – вполне серьёзно ответила Юля, и повинаясь утвердительно кивнула, они вышли из кабинета.

Молча прошли мимо неподвижной охраны у входа и оказались на улице. Юля осмотрелась по сторонам, повернулась к Егору и коротко, без замаха ударила его точно в печень. От резкой сильной боли Егора скрутило, и он присел на корточки, упершись ладонью в землю.

– Если ты, паскуда такая, опять решишь жизнь суицидом закончить, то выбирай другие, менее экзотические способы, – раздался над его ухом тихий свистящий шёпот.

Глава 3.

Сырым дождливым вечером, в конце ноября 1941 года, в мрачном здании на Лубянской площади, первый заместитель наркома внутренних дел Всеволод Николаевич Меркулов проводил внеплановое совещание. Причиной этому послужило перехваченное службой технической разведки радиосообщение от командования группы армий «Центр» в Берлин.

Меркулов обвел взглядом присутствующих сотрудников и закончил вступительную речь:

– Из этого сообщения нам стало известно о желании Гитлера посетить Москву после её захвата.

В кабинете повисло молчание. Всем присутствующим было известно, что ещё в июле был утверждён план по диверсионным мероприятиям в случае захвата столицы. Такую возможность командование ещё тогда не исключало. Сейчас же, когда бои шли уже на Можайской линии обороны и до Москвы оставалась буквально сотня километров, планы Гитлера захватить Москву были более чем реальны.

– Исходя из этого, в Ставке было принято решение о физическом устранении Гитлера непосредственно здесь в Москве. Нам поручено разработать план ликвидации. Решено привлечь к разработке этого плана старшего лейтенанта государственной безопасности Ключкову Юлию Андреевну. У неё имеется положительный опыт подобных мероприятий. Не так давно именно она лично ликвидировала командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Федора фон Бока.

Невысокая симпатичная девушка лет двадцати, одетая в идеально сидящий парадный мундир, встала и все присутствующие мужчины стали с интересом её рассматривать. В глаза сразу бросилась Золотая Звезда Героя Советского Союза и ордена Ленина, Трудового Красного Знамени и Красной Звезды.

– Товарищ Судоплатов, вы в своё время интересовались деятельностью товарища Тимура – вот, спешу представить, так сказать, лично, – улыбнулся Меркулов.

Начальник 2-го отдела НКВД СССР, старший майор госбезопасности Павел Анатольевич Судоплатов с интересом разглядывал её лицо. Читая невероятные отчеты о результатах деятельности группы Тимура, он никак не предполагал, что под этим псевдонимом скрывается юная девушка.

– Павел Анатольевич, – обратилась к нему девушка, – Эмма Карловна не одобрила бы такого явного интереса к моей скромной персоне.

Все присутствующие в кабинете рассмеялись, а Судоплатов лишь смущенно улыбнулся. Эмма Карловна Каганова, старший преподаватель специальных дисциплин в Центральной школе НКВД СССР, его жена и верный соратник на протяжении уже без малого тринадцати лет, действительно бы не одобрила...

– Юлия Андреевна, вы можете что ни будь предложить уже прямо сейчас? – Меркулову понравилась её реплика, но обсуждаемый сейчас вопрос был настолько серьезным, что не допускал никакой легкомысленности.

– Всё что можно было сделать, скорее всего, уже сделано. Думаю, проведено минирование гостиницы «Москва», дома советов народных комиссаров, Большого театра, а также дач товарищей Сталина, Кагановича, Ворошилова, Буденного. Это вынужденная и необходимая мера, но на мой взгляд излишняя, так как немецко-фашистским захватчикам никогда не удастся взять Москву, и соответственно Гитлер никогда не посетит ни одно из этих мест. В тоже время вражеские диверсанты теперь могут использовать эти заряды для совершения террористических актов. Я считаю, что нам необходимо бросить все силы на их выявление и ликвидацию.

– Откуда у вас эти данные? Это сверхсекретная информация и насколько я знаю, у вас нет к ней допуска, – заместитель наркома внутренних дел, комиссар госбезопасности 3-го ранга Кабулов смотрел на неё с явным подозрением.

– Вера в нашу победу – это очень хорошо, но на основании каких сведений вы выносите столь категоричные суждения? – добавил начальник охраны московской зоны, командующий войсками НКВД, комиссар госбезопасности 3-го ранга Серов.

Юлия бросила быстрый взгляд на Меркулова, рассчитывая, видимо, на его поддержку, но Всеволод Николаевич молчал, с интересом ожидая каким образом она будет выкручиваться.

– Насчет минирования – это моё предположение. Этот вариант лежит на поверхности. Я привела для примера пару зданий для проведения культурно-массовых мероприятий, а что до дач руководства страны, то именно там разместится кто-то из верхушки рейха. Уверенность в нашей победе и способности отстоять столицу основывается на том, что вермахт уже потерял в боях свои силы, а наше свежее пополнение из глубины страны не позволит противнику захватить Москву. У нашего государства сильная экономика и большой мобилизационный резерв. Германия, даже используя завоёванные страны, не сможет нам противостоять в затяжной войне, к тому же на два фронта. Рано или поздно мы победим. Думаю, что Гитлер рассчитывал на быструю победу, так он сам это понимал.

Мужчины переглянулись. Меркулов сказал.

– Товарищи, перед нами поставлена конкретная задача. Давайте, по существу. Юлия Андреевна, можете что-то добавить?

– В случае захвата Москвы фашисты наверняка проведут парад на Красной площади. До здания напротив мавзолея метров сто. Можно расположить там артиллерийское орудие, укрыв его за фальшстеной, или несколько снайперов. Возможно так же оборудовать саму трибуну мавзолея устройством подачи боевых отравляющих веществ или любого другого химического или бактериологического оружия. Лишь бы его концентрация была достаточная для применения на открытом воздухе. И как альтернативу могу предложить завербовать кого-то из известных актеров, писателей, художников. Того, у кого возможно будет шанс личной встречи с Гитлером. Можно будет провести компанию, направленную на искусственное повышение его популярности, привлечь внимание общественности к творчеству этого человека. Может быть какая ни будь провокационная работа... Но повторюсь – это не понадобится. Прошу разрешения принять участие в контрразведывательных и противодиверсионных мероприятиях.

– Идеи интересные, – Меркулов не обратил на её просьбу никакого внимания, – Считаю целесообразным обсудить как рабочие варианты. Павел Анатольевич, уточните в лаборатории спецгруппы ГУГБ наличие подходящего препарата. А вот спрятать в помещении целое орудие мне кажется задачей трудно выполнимой.

– Разрешите, Всеволод Николаевич, – девушка дождалась кивка Меркулова и продолжила, – Нам ведь только один ствол нужен, а не всё орудие. Заранее сделаем отверстие в стене и произведём наводку. Полметра помещения займёт не больше. Вряд ли немцы будут перемерять и сверяться с планом. В крайнем случае на всех этажах сделаем такие фальшстены. Останется только обезопасить стрелка от обнаружения собаками и предусмотреть план отхода. Шанс, конечно, крайне мал, но возможно какие-то отвлекающие внимание акции. В идеале использовать устройство для дистанционной инициации выстрела, так как разминать жизнь советского патриота даже на всю эту шайку...

Она не закончила. По глазам всех этих людей Юля поняла, что никто из них не будет заморачиваться такими мелочами как сохранение жизни стрелка и усложнять всё лишними техническими устройствами.

– Это всё необходимо хорошенько обдумать. Товарищи, жду вас всех завтра в два часа дня с новыми предложениями, – Меркулов на секунду задумался, – Богдан Захарович, подберите список потенциальных кандидатов для вербовки. Судоплатов и Ключкова занимаются разработкой детального плана с орудием и газом. Все свободны.

Иван Александрович Серов посторонился, учтиво пропуская Юлю вперед, поэтому Судоплатову пришлось ускорить шаг догоняя её в коридоре.

– Юлия Андреевна, можно Вас на минутку?

– Конечно, Павел Анатольевич, – Юлия одарила его своей фирменной улыбкой.

– Хотел бы скоординировать наши действия. Пойдемте в мой кабинет.

Кабинет оказался на другом этаже. Павел Анатольевич отпер дверь и шагнул внутрь включил свет.

– Сейчас насчет чая что ни будь придумаю.

– Коньяк с лимоном или шоколадом, – спокойно сказала Юля и поймав удивлённый взгляд Судоплатова, доконала его окончательно, – И предлагаю перейти на «ты», для упрощения...

– А вы не забываетесь, товарищ старший лейтенант? – улыбнувшись поинтересовался Павел Анатольевич и добавил, – Да и Эмма Карловна не одобрила бы... Присаживайся.

– Виновата. Исправлюсь, – Юля уселась на стул, а Судоплатов распахнул дверцы тумбочки.

– Павел Анатольевич, я здесь человек новый и хотела бы просить разрешения создать группу из людей, обладающих определенным опытом и находящихся в данный момент под следствием или отбывающих наказание. Я знаю, что благодаря вашему участию, недавно был освобожден Яков Серебрянский. Может посоветуете кого-нибудь?

– Подумать надо, – уклончиво ответил Судоплатов, – Да и без содействия товарища Берии этот вопрос не решить. К тому же Вы готовы лично поручиться за выбранных вами людей?

– Да. Я всё взвесила и уже подготовила рапорт. Теперь дело за кандидатами.

Павел Анатольевич выставил на стол початую бутылку армянского коньяка, две небольшие рюмки и со вздохом резюмировал.

– Ни лимона, ни шоколада нет к сожалению. Есть печенье.

– Не существенно, – непринужденно махнула рукой Юля, и пододвинув к себе массивную хрустальную пепельницу, достала простенький портсигар кустарного производства.

– Сейчас у ребят спросим, – сказал Судоплатов, снимая трубку телефона, – Я их всё равно привлечь планировал.

– Маловато у вас тут, что б ребят привлекать, – Юля кивнула на бутылку и Павел Анатольевич не понял серьёзно она говорит или шутит, – Да и вообще, стоит ли кого-нибудь привлекать? Вы ведь тоже не верите в успех ликвидации в Москве. Если нужно для отчета, то я могу прямо сейчас, за полчаса документик составить, а вы откорректируете потом. Вот и весь план. Если его утвердят, то продумаем более детально, так что б сработало.

– Юлия Андреевна, мы так не работаем. У нас есть четкий приказ, поэтому трудиться будем всерьёз. А во что лично я верю или не верю – значения не имеет.

– Слушаюсь, товарищ старший майор государственной безопасности, – покладисто согласилась Юля, и улыбнувшись, добавила, – Я, просто, хотела обсудить с вами создание аналитического отдела по разработке и проведению оперативной игры с Абвером.

Майор Максимов встретил Егора достаточно прохладно. Хмуро кивнул на приветствие и молча указал на диван. Сам же устроился в своем по-видимому «любимом» кресле и долго молчал, пристально разглядывая Егора, словно видел его впервые. Пауза затягивалась. Наконец Максимов вздохнул и изрек:

– Товарищ Иванов, мне поступило указание оказать вам содействие. Не могу сказать, что я в восторге, но я сделаю всё, что в моих силах. Вы уже решили, что вам конкретно необходимо для работы.

– Нужен доступ в места содержания заключенных. Нужны люди, имеющие опыт следственных действий. Ну и базы данных, архивы или что тут сейчас есть. Ну и конечно содей-

ствие во избежание бюрократической волокиты. Транспорт нужен будет – любой подойдёт. Какое-то количество продуктов и сигарет или точнее папирос.

– Вы ведь не курите?

– Я нет, а вот заключенные почти поголовно.

– С папиросами сейчас проблемы, но что-нибудь придумаем. С продуктами тоже решим. А по поводу транспорта... – Максимов на секунду задумался, – Вы мотоцикл водите?

– Да ездил когда-то, – неопределённо пожал плечами Егор.

– Я вам дам водителя, но на всякий случай, как говорится. Со следователями, скорее всего не получится. Я, конечно, позвоню Влодзимирскому. Это начальник следственной части по особо важным делам. Но вряд ли. Толковых людей сейчас катастрофически не хватает. Можно попробовать найти таких среди заключенных, хотя рассчитывать на их непредвзятость теперь не приходится. К тому же мне известно о вашей персональной ответственности – так что решать вам, Егор Николаевич. А для работы в архивах можете подобрать кого-нибудь в кадрах. Я думаю, пару человек смогу выделить.

– Андрей Степанович, мне кажется, пары человек будет явно недостаточно.

– Я попробую привлечь наших путешественниц во времени. Придется их возить каждый день туда-обратно, но это решение вопроса.

– Где-нибудь возможно получить обобщенные данные по уже вынесенным приговорам. Интересуют прежде всего учёные, инженеры и тому подобные профессии.

– С этим попробую ускорить. Есть у меня один человечек в Главном тюремном управлении, а с вашей бумагой это будет несложно. Кстати, о бумагах – вот ваши документы, – Максимов пододвинул к нему лежавший на столе конверт.

– А вы с Ключковой можете получить положенное вам жалование, мне звонили вчера из бухгалтерии. Юлия Андреевна с утра отъехала в Управление, но имейте ввиду.

Егор кивнул и взял со стола конверт. Юлю он, действительно, сегодня ещё не видел.

– Найдите во дворе сержанта Яковлева. Он на мотоцикле. Будет вас возить и помогать вам при необходимости.

Егор кивнул. Он и не рассчитывал на автономию. Поэтому, к такому навязанному сопровождению внутренне был готов. К тому же лишние руки тоже не помешают.

– Разрешите идти?

– Один вопрос, товарищ Иванов.

– Слушаю вас, товарищ майор.

– У вас есть информация о контактах с представителями иных цивилизаций?

– Сложный вопрос, Андрей Степанович. Официальной информации нет. Хотя косвенных данных, я считаю, предостаточно.

– А поподробнее можно?

– Ну судите сами. Астрономы и математики путем расчетов обосновали, что разумная жизнь на нашей планете не уникальна во вселенной. Есть даже такая формула Дрейка, которая предназначена для определения числа внеземных цивилизаций в нашей Галактике, с которыми у человечества есть шанс вступить в контакт. Я, конечно, не возьмусь воспроизвести её сейчас, но она есть, можете мне поверить. Вместе с тем, существует, так называемый, парадокс Ферми. Это полное отсутствие видимых следов деятельности каких-либо технологически развитых цивилизаций. Существуют тысячи видеозаписей и фотографий, но как им можно верить, когда наши технологии позволяют создавать неотличимые подделки. Кстати, официально при ООН уже давно создано представительство по связям с инопланетянами. Да и периодически проходят слушания в том же конгрессе США связанные с подобными феноменами. Недавно видел каких-то мумифицированных существ показывали – очень похожи на инопланетян, но тоже всё может оказаться мистификацией. Есть и различные древние артефакты, которые порой ставят в тупик самим своим существованием.

– ООН? – не понял Максимов.

– Это Организация Объединенных Наций, после войны будет создана, взамен Лиги Наций. Толку от неё тоже немного будет...

– Понятно, – сказал Максимов, – Я надеялся на более конкретный ответ.

– Ну чем богаты, как говорится, – развёл руками Егор, – Так я могу идти?

– Конечно, Егор Николаевич. Надумаете отъехать, поставьте дежурного в известность. Мобильных телефонов у нас пока нет, – улыбнулся Максимов впервые с начала разговора, – Если вдруг возникнут какие-то сложности – звоните. Номер вы знаете.

– Спасибо.

Егора так и подмывало спросить, чем вызван этот интерес, но он себя пересилил. Надо будет – сами скажут. Может когда-нибудь и узнает. Тут в коридорах ему пару раз попадались очень интересные персонажи. По внешнему виду – один в один гении-учёные из голливудских фильмов.

Занимая себя этими нехитрыми размышлениями, Егор спустился во внутренний двор и быстро разыскал в дежурке молодого сержанта. Тот представился Андреем, и с заявлением, что он поступает вместе с мотоциклом в распоряжение Егора спорить не стал. Очевидно, уже имел на этот счет определённые указания. На вопрос куда ехать, Егор почесал затылок, ускоряя мыслительный процесс, и выбрал Лефортовскую тюрьму. Разницы в общем-то не было никакой, Егор планировал посетить их все, но Лефортово оказалось ближе, и Егор, воспитанный московскими пробками, подсознательно выбрал именно её.

Добрались быстро. Сержант Андрей Яковлев вел мотоцикл уверенно и хорошо знал город. В своё время, Егору пришлось побывать здесь однажды по делам службы и на первый взгляд никаких кардинальных изменений тут не произошло. Без особых проволочек его проводили в кабинет начальника тюрьмы. Капитан государственной безопасности Иосиф Федорович Ивашко, не сильно обрадовался его появлению, но никаких препон чинить не стал, а наоборот – предоставил ему отдельный кабинет и даже выделил сопровождающего. Буквально через полчаса Егор, уже сидел в этом кабинете, обложившись папками с делами ипил горячий обжигающий глоток чай. Сержант Яковлев, стараясь не шуметь, сортировал дела на трёх, принесенных для этого, табуретах. Папок с делами было очень много, несколько стопок, несмотря на то, что Егор сразу обозначил интересующие его критерии. Тяжело вздохнув, Егор открыл одну из папок и принялся внимательно читать.

9 ноября 1941 г.

№ 0014/сс

Строго секретно

ЦК ВКП(б) тов. Сталину И.В.

Стенограмма разговора Иванова Е.Н. и Клочковой Ю.А.

спец объект № 12 (23ч 25мин)

Иванов: Привет. Не спишь?

Клочкова: Не тупи. Ты же видишь – читаю.

Иванов: Че без настроения? И подозрительно трезвый.

Клочкова: Тебе чё надо?

Иванов: Ты, когда не пьёшь, с тобой невозможно общаться. У тебя коньяк закончился?

Клочкова: Да есть ещё немного. Хочешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.